

Д. Лаэртский

**Жизнь, учения и изречения
знаменитых философов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Д11

Д11 **Д. Лаэртский**
Жизнь, учения и изречения знаменитых философов / Д. Лаэртский – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 380 с.

ISBN 978-5-4241-1440-3

ISBN 978-5-4241-1440-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Д. Лаэртский, 2021

Диоген Лаэртский
Жизнь, учения и изречения
знаменитых философов

Оглавление

КНИГА I

Вступление (начало философии; преемственности и школы). — Фалес. — Солон. — Хилон. — Питтак. — Биант. — Клеобул. — Периандр.; Анахарсис. — Мисон. — Эпименид. — Ферекид.

КНИГА II

Анаксимандр. — Анаксимен. — Анаксагор. — Архелай. — Сократ. — Ксенофонт. — Эсхин. — Аристипп (ученики Аристиппа). — Федор. — Евклид. — Сильпон. — Критон. — Симон. — Главкон. — Симмий. — Кебет. — Менедем.

КНИГА III

Платон (жизнь; сочинения; учение; “разделения”).

КНИГА IV

Спевсипп. — Ксенократ. — Полемон. — Кратет. — Крантор. — Аркесилай. — Бион. — Лакид. — Карнеад. — Клитомах.

КНИГА V

Аристотель. — Теофраст. — Стратон. — Ликон. — Деметрий Фалерский. — Гераклит.

КНИГА VI

Антисфен. — Диоген. — Моним. — Онесикрит. — Кратет. — Метрокл. — Гиппархия. — Менипп. — Менедем.

КНИГА VII

Зенон (жизнь; стоическая логика; этика; физика). — Аристон. — Эрилл. — Дионисий. — Клеанф. — Сфер. — Хрисипп.

КНИГА VIII

Пифагор. — Эмпедокл. — Эпихарм. — Архит. — Алкмеон. — Гиппас. — Филолай. — Евдокс.

КНИГА IX

Гераклит. — Ксенофан. — Парменид. — Мелисс. — Зенон Элейский. — Левкипп. — Демокрит. — Протагор. — Диоген Аполлонийский. — Анаксарх. — Пиррон. — Тимон.

КНИГА X

Эпикур (жизнь; письмо к Геродоту; письмо к Пифоклу; письмо к Менекею; “Главные мысли”).

Приложение

Олимпиодор. Жизнь Платона

Порфирий. Жизнь Пифагора

Порфирий. Жизнь Плотина

Марин. Прокл, или о счастье

Хронологическая таблица

О ЖИЗНИ, УЧЕНИЯХ И ИЗРЕЧЕНИЯХ ЗНАМЕНИТЫХ ФИЛОСОФОВ

От переводчика

Диоген Лаэртский — автор, при всей своей огромной историко-культурной важности до сих пор не дождавшийся филологически удовлетворительного издания и полноценного научного комментария. Интерес к нему в Европе вспыхнул очень рано — он был одним из первых авторов, переведенных на латинский язык

флорентийскими платониками XV в., — но все издания до XIX в. печатались по поздним и ненадежным рукописям, без всяких попыток установить историю текста. В 1842 г. для известной серии греческих авторов в парижском издании Дидо подготовка текста Диогена Лаэртского была поручена одному из лучших филологов того времени — К.Г.Кобету. Кобет выполнил поручение, провел большую работу над рукописями и дал издательству выверенный текст Диогена, гораздо более надежный, чем прежние; но по необъяснимым причинам он не приложил к нему обычного филологического аппарата со сводом разночтений и пр., так что издание Кобета вышло в 1850 г. с одним лишь греческим текстом и латинским переводом. Всю работу над рукописями последующим поколениям филологов пришлось проделывать с самого начала. Работа эта затянулась; при этом шла она вразнобой — книга Диогена рассматривалась не столько как самостоятельный историко-философский памятник, сколько источник, сохраняющий более древние фрагменты всякого рода, и поэтому сплошь и рядом исследователи занимались порознь текстом отдельных биографий, не координируя свои усилия.

Труды эти не пропали даром — их результатом были такие классические своды, как "Фрагменты досократиков" (*Die Fragmente der Vorsokratiker*) Г.Дильса (последнее изд. — т. 1–3, В., 1960) и "Фрагменты древних стоиков" (*Stoicorum veterum fragmenta*) Г.Арнима (т. 1–3, В., 1903–1905), но эти успехи скорее отсрочили, чем приблизили общее издание Диогена. Только в 1925 г. появилось новое полное издание, подготовленное Р.Д.Хиксом, с параллельным английским переводом, выдержавшее целый ряд перепечаток: но сам характер издания (в так называемой "Лебовской серии") заставил издателя ограничить свой филологический аппарат до минимума, и книга эта была воспринята лишь как временная замена всеми ожидаемого нового Диогена. Наконец, в 1964 г. долгожданное издание появилось в оксфордской серии классиков, подготовленное Х.С.Лонгом. Издатель принял многие чтения Хикса, в ряде мест пошел дальше, однако, по отзывам ученой критики, и это новое издание остается далеким от требуемого совершенства. На смену ему ожидается давно готовящееся издание П. фон дер Мюля, но ожидание это тянется уже десятилетиями. В основу настоящего перевода положен текст Лонга по названному изданию: *Diogenis Laertii Vitae philosophorum*, rec. H.S.Long, I–II. Oxford, 1964. Немногочисленные отступления от этого текста почти всюду оговорены в примечаниях. Для контроля использовался английский перевод в упомянутом издании Хикса (*Diogenes Laertius. Lives of eminent philosophers*, I–II. Harvard UP, 1970) и хорошо известный немецкий перевод О. Апелъта, переизданный в 1967 г. с полезнейшим текстологическим приложением (*Diogenes Laertius. Leben und Meinungen berühmter Philosophen*, ed. Kl. Reich. Hamburg, 1967).

Разумеется, при переводе учитывался опыт прежних русских переводов отдельных отрывков или разделов Диогена Лаэртского — досократиков у А. О. Маковельского, Демокрита у С. Я. Лурье, Эпикура у С. И. Соболевского. Биографии, помещенные в «Приложении», переведены по изданию А. Вестермана и Ж. Буассоннада, приложенному в свое время к кобетовскому изданию Диогена Лаэртского (*Diogeos Laertii de clarorum philosophorum vitis... rec. C. G. Cobet; accedunt Olympiodori... et aliorum vitae Platonis... Pythagorae, Plotini... A. Westennanno et Marini vita Procli J. F. Boissonadio edentibus.* P., Didot. 1850).

С.Н.Муравьеву, просмотревшему все отрывки этой книги, имеющие отношение к Гераклиту, и особенно Т.В.Васильевой, внимательно проверившей точность и стиль всего перевода Диогена, переводчик приносит искреннюю и глубокую благодарность за помощь и добрые советы. М.Л.Гаспаров

А.Ф.Лосев ДИОГЕН ЛАЭРЦИЙ И ЕГО МЕТОД

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О ДИОГЕНЕ ЛАЭРЦИИ

Читатель, взявший в руки книгу Диогена Лаэртция* и даже не прочитавший ее, а только перелиставший, сразу убеждается в том, что хотя она и посвящена истории греческой философии, но сама-то греческая философия, за некоторыми небольшими исключениями, изложена в ней чрезвычайно спутано, без последовательной хронологии, не говоря уже о последовательном историзме; книга переполнена всякими не относящимися к делу биографиями, анекдотами, уклонениями в сторону и острыми словцами. С одной стороны, читатель Диогена Лаэртция будет вполне разочарован уже по одному тому, что у него он не найдет никакого систематического изложения истории греческой философии. С другой стороны, однако, всякий читатель Диогена Лаэртция переживает настоящее удовольствие, погрузившись благодаря этой книге в самую гущу античной жизни и надивившись разнообразным и ярким личностям, изображенным здесь, и получает несомненное удовольствие от всюду разбросанной здесь античной и антической «соли». Несмотря на полное несоответствие содержания этой книги ее теме, она является замечательным памятником античной книги вообще, после чего можно только удивляться, насколько же новоевропейские излагатели античной философии скучны и далеки от самого духа и стиля античного мышления, несмотря на свое безусловное превосходство в методах последовательно-исторического или систематически-логического изложения философии древних.

(* Поскольку установившейся традиции русского написания имени этого античного автора нет, мы сохраняем различное написание *прим. ред.*).

Попробуем по крайней мере одну, а именно историко-философскую, сторону трактата Диогена Лаэртция изложить более подробно. Прежде всего совершенно неизвестно, что это за имя "Диоген Лаэртций", где этот Диоген Лаэртций жил и писал, какова датировка его жизни и даже каково точное название его сочинения. Насколько можно судить по Стефану Византийскому, которому принадлежит первое упоминание о Диогене Лаэртции (VI в. н. э.), слово «Лаэртций» должно указывать на какой-то город (карийский?) Лаэрту, что было бы естественно, поскольку имена всех греческих деятелей обычно сопровождаются указанием на тот город, откуда они происходят (Диоген Аполлонийский, Демокрит Абдерский и т. д.). Однако ни в каких словарях невозможно найти такого города Лаэргты, так что возникает вопрос: существовал ли такой город на самом деле? Было высказано предположение, что «Лаэртции» — это прозвище, подобное тем прозвищам, которые иной раз давались в Греции деятелям, носившим слишком обычное и частое, слишком популярное имя. Здесь вспомним (У.Ф.Виламовиц-Меллендорф), что, по Гомеру, отцом Одиссея был Лаэрт и что поэтому сам Одиссей иной раз зовется «Лаэртиад» (Ил. III 200, XIX 185; Од. IX 19, XII 378, XVI 104 и др.). Кроме того, этот «Лаэртиад» иной раз сопровождается у Гомера эпитетом *diogenes* (Ил. II 173, IV 358, VIII 93, IX 308, 624, X 144, XXIII 723; Од. V 203, X

401 и др.) — «богорожденный», "зевсорожденный".

Предположение о заимствовании имени Диогена Лаэртция из Гомера обладает некоторого рода вероятностью, но вероятность эта слабая. Некоторые читают имя нашего автора не как "Диоген Лаэртций", но как "Лаэртций Диоген" и просто «Лаэртций». Единственным основанием для последнего чтения имени Диогена Лаэртция является весьма редкое в античной литературе написание именно "Лаэртций Диоген", а не "Диоген Лаэртций". Это написание содержится у Фотия, Евстафия, а у Стефана Византийского встречается и то и другое. Некоторые современные ученые ухватились за «Лаэртция» и называют его именно так. Однако состояние источников по данному вопросу достаточно спутанное, так что вопрос этот о подлинном имени Диогена Лаэртция остается до сих пор неразрешимым. Кажется, можно немного больше сказать о времени жизни Диогена Лаэртция. Дело в том, что Диоген Лаэртций последним по времени философом называет Сатурнина (IX 116). А этот Сатурнин является учеником Секста Эмпирика, жившего и действовавшего около 200 г. Кроме того, Диоген Лаэртций ни одним словом не упоминает неоплатонических деятелей, а основатель неоплатонизма, Плотин, жил в годы 203–269. Следовательно, вытекает как будто бы с достаточной точностью, что Диоген Лаэртций жил и действовал в конце II и в первые десятилетия III в., тем более что Плотин, как известно, стал записывать свои лекции лишь после 250 г. Далее, не существует и точного названия книги.

В парижской рукописи 1759 г. это заглавие читается так: "Диогена Лаэртция жизнеописания и мысли тех, кто прославился в философии, и в кратком виде сводка воззрений каждого учения". Сопатр просто называет книгу Диогена Лаэртция "жизнеописаниями философов". У Стефана Византийского тоже значится буквально "История философ", каковое название Р. Хикс понимает как "Философская история". У Евстафия также кратко: "Жизнеописания софистов", где под словом «софист», как это и вообще часто в греческой литературе, понимается просто «мудрец» или "практический мудрец". В конце наиболее полных рукописей стоит более точно: "Лаэртция Диогена сводка жизнеописаний философов и их учений в 10 книгах". Прибавим к этому также и то, что у Диогена Лаэртция был еще целый сборник эпиграмм на разных философов, о чем он сам говорит (I 39) и откуда, вероятно, все многочисленные эпиграммы Диогена Лаэртция к каждому философу в его книге. В итоге необходимо сказать, что поскольку всякие достоверные сведения и об имени Диогена Лаэртция, и о названии его трактата отсутствуют, то мы в дальнейшем будем условно называть автора трактата просто Диогеном Лаэртием, а его трактат, и тоже условно, "Историей философии".

Есть еще один очень важный вопрос, который естественным образом возникает и у каждого исследователя Диогена Лаэртция, и у каждого его читателя. Это вопрос о мировоззрении самого Диогена Лаэртция. Ведь казалось бы, излагать такое количество разных философов и как-нибудь в них разбираться — это значило бы и самому автору иметь какую-нибудь определенную философскую точку зрения. И как это ни странно, никакой такой собственной философской точки зрения у Диогена Лаэртция совершенно не имеется. Его изложение настолько разбросанно и хаотично, настолько описательно и случайно, что ему не приходится и в голову как-нибудь критиковать излагаемых у него философов и тем самым обнаруживать какую-нибудь собственную философскую позицию. В

старой литературе о Диогене Лаэртции, да и то не очень решительно, высказывался тот взгляд, что Диоген Лаэртции кого подробнее излагает, тому и более сочувствует. Взгляд этот, конечно, очень слабый, и в науке он не получил популярности. Ведь если мы прикинем размеры излагаемых сведений о философах, то получится, что подробнее всего Диоген Лаэртции рассказывает о Платоне, стоиках, скептиках и эпикурейцах. Но ведь эти философские школы отличны друг от друга, чтобы излагающий их автор принадлежал ко всем этим трем школам одновременно. Ясно, что таким методом нет никакой возможности определить собственное мировоззрение Диогена Лаэртция. Изложение древних у Диогена Лаэртция настолько описательное и ни в каком мировоззрении не заинтересованное, что от этого автора невозможно и требовать разъяснения его собственных теоретических позиций. Так, ко всем темнотам, которыми окружен и трактат Диогена Лаэртция, и даже само имя Диогена Лаэртция, необходимо присоединить сейчас и еще одну — это невозможность разобраться в его собственных теоретических позициях.

Незаинтересованная описательность, которой характеризуется историко-философский метод Диогена, часто доходит до того, что он по данному историко-философскому вопросу или по вопросу чисто биографическому приводит несколько разных авторитетных для него мнений, которые трудно согласовать ввиду их противоречивости. При этом сам он настолько погружен в эту элементарную описательность, что иной раз и не ставит себе никакого вопроса о том, какое же из приводимых у него мнений более правильно или как же согласовать противоречивые ссылки на разные источники. Это делает книгу Диогена Лаэртция весьма ученой. Но от такой учености сумбур его трактата скорее только увеличивается. И это очень хорошо, так как именно здесь и выясняется основной метод и стиль его историко-философского повествования. Только не нужно требовать от Диогена Лаэртция невозможного, а следует понять всю привольность и беззаботность его стиля. После этих внешних сведений о Диогене Лаэртции коснемся кратко также внутреннего содержания его трактата, после чего можно будет приступить и к обзору отдельных проблем, которые возникают в связи с историко-философским содержанием трактата. Заметим, что среди хаотической массы приводимых у Диогена Лаэртция материалов попадают и такие суждения, которые при самой строгой критике античных первоисточников нужно считать правильными или близкими к правильности. Все такого рода положительные выводы из трактата Диогена, конечно, тоже требуют от нас самого серьезного внимания, и их не должна заслонять никакая привольная и беззаботная его стилистика. Необходимо сразу же сказать, что и современная филология, и вся филология предыдущего столетия относятся к историко-философским материалам Диогена Лаэртция весьма критически. И ближайшее филологическое исследование текста Диогена Лаэртция заставляет действительно весьма критически оценивать не только отдельные проблемы у этого автора, но и решительно весь его метод рассмотрения истории греческой философии.

Эту критику Диогена Лаэртция как первоисточника для построения истории греческой философии необходимо будет проводить и нам, причем не только на основе многочисленных работ в мировой филологической науке, но по преимуществу на основе наших собственных наблюдений и нашего собственного понимания общего метода критики греческих первоисточников. Но сначала скажем

несколько слов о трактате Диогена Лаэртция вообще. Хотя Диоген Лаэртций дает множество разного рода сведений по истории греческой философии, для начала нужно просто забыть, что мы имеем здесь дело с трактатом по греческой философии. В этом трактате можно прочитать все что угодно о греках, в том числе, конечно, и о греческих мыслителях, о целых эпохах культурного развития, о поэзии многих греческих авторов и вообще о природе и жизни в Древней Греции. Очень часто Диогена Лаэртция интересует не данный мыслитель, как таковой, но его биография, да и биографии эти часто полны курьезов, необычных стечений обстоятельств, полны разного рода анекдотов, остроумных изречений и не относящихся к делу случайных происшествий. Особенный интерес вызывают у Диогена Лаэртция пикантные подробности из жизни людей, часто доходящие до полного неприличия. О Сократе, например, приводятся не только сведения о том, что у него была жена, но и сведения о том, что у Сократа было две жены одновременно.

Основное место в сочинении Диогена Лаэртция занимают анекдоты. Все его рассказы о философах и мыслителях буквально полны разнообразных анекдотов. Многих мыслителей он излагает только в виде какого-нибудь одного тезиса, без всякого развития и без всяких доказательств этого последнего. А иной раз и просто упоминается какое-то имя, и больше ничего, так что остается неизвестным, каково же отношение данного человека к философии. Но повторяем, не нужно слишком свысока относиться к Диогену Лаэртию за его свободное обращение с фактами, приводимыми без всякой их истории и систематизации. Наоборот, это-то и делает трактат Диогена Лаэртция замечательно интересной античной книгой, которая никогда не теряла и еще и теперь не теряет своего интереса, несмотря на весь содержащийся в ней историко-философский сумбур. Перед нами здесь выступает вольный и беззаботный грек, который чувствует себя весело и привольно не только вопреки отсутствию последовательной системы и более или менее точно излагаемой истории, но скорее именно благодаря этому отсутствию. Причем не нужно думать, что перед нами здесь какой-то дилетант или невежда. Диоген Лаэртций много всего читал, и, несомненно, читал значительную часть излагаемых им философских трактатов. Во всяком случае любую ничтожнейшую мелочь он подтверждает ссылкой на какой-нибудь источник, и источники эти у него часто весьма авторитетные, вроде, например, того же Аристотеля. Но ясно, что отнюдь не всех тех философов, которых он излагает, он читал, и по тогдашней малой распространенности и труднодоступности многих философских произведений даже и не мог читать. Ясно, что в этих случаях Диоген Лаэртций излагает многие произведения греческой философии только понаслышке, только из вторых или третьих рук. Отсюда у него много всякого рода противоречий и неясностей, которые, по-видимому, смущают его очень мало. Этот веселый и беззаботный грек буквально «кувыркается» в необозримой массе философских взглядов, трактатов, имен и часто среди всякого рода жизненных материалов, даже и не имеющих никакого отношения к философии.

Отвергать Диогена Лаэртция за это историко-философское «кувыркание» с нашей стороны было бы весьма неблагоприятно. Мало ли излагается у Гомера всякого рода нелепостей, глупостей, несуразностей, а иной раз даже и безобразия? Неужели поэтому Гомера нельзя читать, нельзя переводить и снабжать

филологическими или культурно-историческими комментариями? Да ведь вся античная литература такова. Никто сейчас не верит ни в Аполлона, ни в Эриний, ни в Афины Палладу. А тем не менее трилогия Эсхила «Орестея», в которой эти боги играют решающую роль, является памятником мировой литературы, на все языки переводится, всячески комментируется и является ценнейшим первоисточником и для историка, и для литературоведа, и для языковеда, и даже для историка философии, включая историю моральных и эстетических идей. Почему же вдруг мы должны не читать и не переводить Диогена Лаэртция только из-за одного того, что его историко-философские взгляды часто сумбурны, часто противоречивы и не соответствуют нашей современной филологической критике древнегреческих первоисточников? Беря в руки трактат Диогена Лаэртция, удивляясь его наивности и хаотичности, мы не только доставляем себе удовольствие от этого веселого «барахтанья» Диогена в сотнях и тысячах непроверенных и малодостоверных фактов. Мы погружаемся еще и в эти веселые просторы античной историографии и начинаем понимать, до какой степени античный грек мог чувствовать себя беззаботно в такой серьезной области, как история его же собственной, то есть древнегреческой, философии. Наконец, дело здесь не просто в литературном удовольствии, которое получает современный читатель от этого трактата, пришедшего к нам из давно погибшей цивилизации, а также из довольно чужой для нас культурной атмосферы. Нам хотелось бы, чтобы та критика Диогена Лаэртция как историко-философского источника, которой мы будем заниматься в дальнейшем, послужила по крайней мере одним из возможных примеров критики греческих первоисточников вообще. Мы не только будем чувствовать себя на каждом шагу в атмосфере древнегреческой цивилизации, но мы будем при этом рассматривать взгляды Диогена Лаэртция по существу и с полной серьезностью.

Думается, что для наших молодых историков философии предлагаемая нами критика будет если не поучительна, то, надо полагать, интересна применительно ко всей этой сложной греческой источниковедческой проблематике. Если читатель не везде и не во всем будет соглашаться с нашей критикой Диогена Лаэртция, то это будет хорошо уже по одному тому, что читателю тут же будут приходиться в голову и другие источниковедческие подходы. Поэтому, если перевод трактата и комментариев к нему и рассчитаны на более широкого читателя, а вовсе не только на историков философии, тем не менее именно последние должны быть особенно заинтересованы в Диогене Лаэртции, и потому именно для них предлагаемая ниже критика Диогена как первоисточника должна быть особенно интересной. Впрочем, повторяем еще раз: историко-философский трактат Диогена Лаэртция — это вообще весьма интересная античная книга, и польза от ознакомления с нею настолько широка и многостороння, что с трудом поддается какой-нибудь краткой и вместе с тем претендующей на достаточную полноту формулировке.

СУЖДЕНИЯ ДИОГЕНА ЛАЭРТЦИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ И О ГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ В ЦЕЛОМ

Все эти суждения Диогена Лаэртция отличаются довольно большой путаницей, а суждение о греческой философии в целом, можно сказать, почти отсутствует.

1. Начало философии. В начале своей книги Диоген Лаэртций довольно много

говорит о развитии философии у варваров и ссылается на тех, кто начинает историю философии именно с варваров. Сам Диоген Лаэртский не только философию считает изобретением греков, но и весь человеческий род понимает в его происхождении как греческий (I 13). Тем не менее то, что мы находим в изложении Диогена Лаэртского о «варварской» философии, почти целиком совпадает с тем, что мы находим в его изложении о греческой философии. У персов были, как он говорит, маги (I 1). Однако, несмотря на большое расхождение греческих философов с этими магами, Диоген Лаэртский все-таки утверждает, что маги приносили жертвоприношения богам, "рассуждали о природе и происхождении богов", "считали богами огонь, землю и воду" (I 6), "они составляли сочинения о справедливости" (I 7), считали богами солнце и море (I 9). Все подобного рода учения сам Диоген Лаэртский находит и у многих греческих философов, так что у читателя Диогена Лаэртского возникает вопрос: почему же этих персидских «магов» не считать (хотя бы и отдаленными) предначинателями философии? Далее Диоген Лаэртский сообщает, что у вавилонян и ассирийцев были халдеи, у индийцев — гимнософисты, у кельтов и галлов — друиды и семнофеи (I 1), но халдеи, например, по Диогену Лаэртскому, занимались астрономией и предсказаниями, а индийские гимнософисты и галльские друиды учили чтить богов, презирать смерть, не делать зла и упражняться в мужестве (I 6). Еще ближе к греческим философам то, что Диоген Лаэртский говорит о египтянах. Он сообщает, что последние рассуждали "о богах и справедливости", что "богами они считают солнце и луну", что, по их учению, "началом всего является вещество" (hyle, собственно говоря, "материя"), из которого "выделяются четыре стихии и в завершение создаются всевозможные живые существа" (I 10). У египтян, по Диогену Лаэртскому, "мир шарообразен, имел начало и будет иметь конец". Огню они приписывали космически-творческое начало, а также учили о переселении душ (I 11). Все подобного рода «варварские» учения в той или иной мере типичны для многих греческих философов. И поэтому, если судить по сообщениям Диогена Лаэртского, греки вовсе не имели никакого приоритета в изобретении философии. Может быть, только в изложении философии Демокрита Диоген Лаэртский сознательно связывает ее с «варварами». Демокрит Абдерский, по Диогену Лаэртскому, — ученик магов и халдеев при царе Ксерксе (IX 34). Демокрит, по сообщению того же Диогена, путешествовал в Египет, в Персию, к Красному морю, в Индию и в Эфиопию (IX 35). Возможно, что с этим связано появление общеизвестного учения Демокрита о демонических действиях атомных истечений. Но об этом Диоген Лаэртский тоже ничего не говорит. Таким образом, что занимствовали греки у «варваров» и чего они у них не заимствовали — об этом судить по Диогену Лаэртскому совершенно невозможно. А тем не менее буквальные совпадения греческой философии со многими «варварскими» учениями на основании материалов самого же Диогена Лаэртского вполне несомненны. Но ввиду частичного расхождения греков и «варваров» в философии окончательно судить о начале философии у греков на основании материалов Диогена тоже невозможно. А так как Диоген Лаэртский нигде не указывает, где греческая философия процветала и где она приходила в упадок, то, выходит, необходимо утверждать, что у самого Диогена Лаэртского никакого представления о греческой философии в целом совершенно не было и тем более не было представления о ее специфике.

2. *Разделение греческой философии.* Было бы естественно ожидать от Диогена